

ЛЮБЛЮ ГРОЗУ

КОГДА я была маленькой, я страшно боялась грозы. Раскаты грома и блеск молний наводили на меня ужас. Я плакала, готова была залезть под стол, под кровать, если рядом не было мамы или взрослых. Мои ровесники только посмеялись бы надо мной: они во время грозы носились по двору и вопили от восторга. Но удивительно, что с годами это чувство не прошло. Даже находясь под крышей, у себя дома, я так же готова была во время сильной грозы спрятаться под диван и не находила себе места.

Много-много лет спустя мы приехали на гастроли в Сочи. Меня поместили в прекрасный номер, гостиницы, окна и балкон которого выходили прямо на море. Вечером началась гроза, море ревели, гром гремел, молнии сверкали. Даже замурив глаза, я видела их блеск.

Я заперла балконную дверь, задернула занавеску, чтобы море не ворвалось в комнату. Сидю одна, боюсь. Всех нас, актеров, приехавших сегодня, разместили на разных этажах. Думаю: к кому бы пойти посидеть, переждать грозу? Вышла в коридор — никого. Вдруг вижу — идет Яхонтов. Я сразу окликнула его. Так глупо, даже объяснить трудно, что боюсь, не могу быть у себя в номере. А он говорит:

— А ведь это здорово! Море бушует под самым балконом! А у меня окна выходят на ту сторону, почти и не слышно ничего.

Ну, тут я, разумеется, предложила ему немедленно поменяться номерами. Яхонтов удивился: такой номер с балконом, о котором все мечтают. И, конечно, с восторгом согласился.

Потом гроза прошла, и я спала спокойно. А утром схватила чемоданчик и побежала по коридору в свой красивый номер, чтобы с балкона увидеть сияющее синее море, которое еще ворчит недовольно, но готово успокоиться совсем.

Яхонтова уже не было. Видно, ушел купаться или учить бесконечные страницы и строчки, которые он читал со сцены. — Маяковского или Пушкина. А у меня на столе лежала его записка:

Я поменялся шумом волн
С Риночкой Зеленой.

Я вернулась обратно.

Потом, как и раньше, мы с В. Яхонтовым долгие годы были добрыми товарищами. Его выступления по радио (в концертах, где мы выступали вместе, из-за кулис слушать было почти невозможно) я слушала всегда внимательно, восторгаясь его тонким актерским мастерством. Как-то при встрече Яхонтов напомнил мне ту грозу, и мы оба посмеялись.

А потом было так. Прошло много лет, и я в бригаде актеров оказалась на 4-м Украинском фронте, в Карпатах. Горы, снова горы и опять горы. Побывали у пехотинцев, летчиков, артиллеристов, и вот мы у танкистов.

Была как раз годовщина полка, с боями пришедшего сюда от самого Сталинграда. Был бал на чердаке здания, отбитого три дня тому назад у немцев. Шел концерт, как

в Колонном зале, хотя на чердаке колонна была только одна — поддерживала кровлю. Было торжественно и весело, играл оркестр, и танкисты ганцевали друг с другом до утра.

Командир полка Фома Игнатьевич, которого все с любовью звали Ватской, разглагольшив седые усы, рассказывал нам о подвигах, совершаемых танкистами ежедневно. Звезды и ордена украшали их грудь. Оркестр все играл и играл вальс, совсем как в Москве, и в такт попадали

всем батареям, по всем дорогам и направлениям, выступаем то в порту, то на корабле — боевом исполнине, то на подлодке, то на аэродроме. Мы были везде, кроме легендарной батареи Зубкова. О ней знает флот. Новороссийский занят фашистами, а на другой стороне, через залив, батарея лейтенанта Зубкова — это сейчас крайняя точка советской земли. Больше года из Новороссийска враги били по этой батарее прямой наводкой. Матросы, надолго ушли под

вернулись с концерта в наш кубрик. Мы занимаем половину землянки. Рядом матросы — наши хозяева. Они относятся к нам внимательно и заботливо. В кубрике тишина, все спят. Но на столе нас ждут горячие чайники. Устраиваемся на ночлег на двухэтажных койках, как на корабле. Тут тепло, а наверху ветер, холодище. А когда мы уже дремлем, раздается звонок — сигнал воздушной тревоги: «Положение номер раз». В несколько секунд все бойцы на ногах. Вот уже

Рина ЗЕЛЕНАЯ:

Друзья моих военных лет

В редакционно-издательском отделе Всероссийского театрального общества готовится к печати книга народной артистки РСФСР

Рины Зеленой, которой автор дал заглавие «Разрозненные страницы». Сегодня мы публикуем отрывки из будущей книги.

залпы наших батарей и глухие разрывы где-то далеко, у переднего края.

Спали мы в палатках. Хотя уже стояла осень, но холодно еще не было. Утром проснулась от страшного грохота. Как человек бывалый, сразу подумала: наступление продолжается, идет артподготовка. Выползаю из палатки на поле. Стоит часовой, немолодой солдат. Он мне и говорит:

— Близко уже! Гроза подхитит! Слышите, как гремит?

Подумать только, какое счастье: это гроза гремит — не в переносном смысле, а самая настоящая! Неужели на земле есть грозы? Как это прекрасно!

...Я стояла в поле, ветер гнал тучу, волосы мои развевались. Я стояла, пока не хлынул дождь. Вбежала в палатку, промокшая почти до нитки, вытиралась полотенцем, словно после купания, и улыбалась, будто душу мне тоже вымыли.

С тех пор я люблю грозу, где бы она ни застала меня. Да будет благословенна природа. Да будет проклята война и те, кто ее делает.

ОСКОЛОК В СПИЧЕЧНОЙ КОРОБКЕ

СКОЛЬКО бы ни прошло времени, все останется в памяти таким же живым и ярким, как в те далекие времена. Иногда какое-то слово, запах дыма, строчка песни — и вдруг посреди обыденного разговора четко и ясно, как в кинокадре, возникнут перед тобой чье-то лицо, дорога в ночном лесу или чайник на столе в кубрике, под землей.

Сорок третий год. Ленинградский театр миниатюр во главе с Аркадием Райниным направлен для обслуживания Черноморского флота. Мы под Геленджиком. Живем в блиндаже или кубрике (как говорят матросы) в огневом звезде товарища Мельника. Мы носимся по

землю. Фашисты забрасывали батарею снарядами — бойцы были неуязвимы. Когда же наши войска взяли Малую землю, немцы продолжали обстреливать Зубкова по-прежнему аккуратно, но теперь только по приборам.

Дорога на батарею еще простреливалась, но ночью проехать в горах можно.

...У нас в театре смятение: сказали, что выступление на батарее Зубкова состоится, но поедут не все. Будем тянуть жребий. В труппе такое волнение, что директор обещает взять всех, если влезем в одну машину. Влезли.

Выезжаем на рассвете. Три дня бушевавший норд утих. Едем по горной дороге. Раннее весеннее солнце медленно прогревает землю. Всюду уже зеленая трава и первые цветы. Тихо, будто война далеко... Нет, вот она, близко. Когда автобус медленно огибает дорожную петлю, я вижу лежащую на откосе лошадь.

На батарее нас встречают скорее испуганно, чем радостно. Кто такие пожаловали? Тут давненько не видали штатских, а тем более актеров. Батарейцы уже живут наверху, спускаясь под землю только во время обстрелов. Нас тропят: «Скорее, скорее... Вдруг начнется обстрел! Как мы вас отправим обратно?» Ведут нас в помещение, недавно сооруженное наверху, гримируемся тут же, в закутке, на ящиках снарядов.

После концерта встречаемся с бойцами. Нас знакомят с тоненьким белокурым моряком.

— Какой молоденький! — шепчет певца. Потом оказывается, что это коррективщик, он спрятан в горах под Новороссийском и корректирует огонь зубковской батареи. Немцы знают, что кто-то там находится, и бьют по горам, стараются уничтожить того, кто наблюдает за ними день и ночь. Сюда, к Зубкову, его привезли на три дня как бы в «дом отдыха».

...Ну вот мы опять дома,

гремят залпы нашей батареи. Мы знаем, что налет будет отбит. Мы спим спокойно. Мы — дома...

...Прошли годы, и вдруг в 74-м я получаю приглашение приехать в Геленджик, на открытие Музея батареи Зубкова. Поверить было трудно: там будет музей! И я немедленно полетела на встречу батарейцев. Они все обнимались, как братья, и обнимали меня, как родную, подумали только — помнили меня! И я узнавала тех, кто жил здесь под землей: им было тогда по двадцать лет. Неужели и Зубков здесь? Да, вот он! Мы обнимаемся, а они, эти уже немолодые люди, смотрят на него с тем же самым чувством любви и веры, как тогда смотрели на молодого своего командира, с которым они держались на этой батарее, защищая Цемесскую бухту. Тогда, в 43-м, Зубков не пропустил ни одного гитлеровского транспорта, ни один фашист не вошел в бухту. И все было подчинено воле и таланту командира, сумевшего отстоять батарею и сберечь людей.

После встречи в городе вместе с громадной толпой людей мы поднимались в гору, на батарею 394.

Мы идем по горе. Все тихо переговариваются и время от времени нагибаются, чтобы найти хоть маленький осколок — когда-то гора была буквально начинена свинцом. Я тоже решила, взять на память кусочек металла, несколько раз нагибалась по дороге, но тщетно. За прошедшие годы каждый, кто побывал здесь, уносил отсюда на память кусочек свинца.

Но тут вдруг подошел мальчик лет 10—12 и, обращаясь ко мне, сказал:

— Вот, возьмите, пожалуйста. У меня коллекция. Я ее разделил — отдал часть в школу, в уголок Славы, а вот это вам, Риназелена.

И у меня в руке оказалась тяжелая свинчатая коробочка, а в ней несколько осколков.